

БАБУШКИНО СОЛНЦЕ

Тень да тень -

Целый день.

Что тебе, синичка,

Птичка - невеличка?

Песенка, как лесенка:

Тиу-тиу, тень да тень,

На сугробе полутень,

Под сугробом спрятан пень.

Как начнет ворочаться,

Птичкам кушать хочется.

«Тиу-тиу, пинь да пьень,

Я не ела целый день.

Поиграю в ладушки,

Помогу-ка бабушке.

Тиу-тиу, пинь да пьень,

Отряхну-ка всю сирень,

Обогрею ей плетень.

Бабушка, хорошая,

Покорми нас крошками.

Тиу-тиу, тень да тень.

Пиу-пиу, пьень да пень.

И в мороз поется

Птичьему народцу.

Оттого что бабушка

Испекла сладушка,

Надавала внучечку:

«Угости голубчиков».

От блинков горяченьких

Песенке тепло.

И морозец прячется где-то за село.

И текут сосулечки

И ручеек по улочке.

И висит вверху один -

Самый пышный, самый жаркий,

Самый круглый, главный блин.

Чистит птичка перышко,

Машет им в оконце:

«БАБУШКА, ХОРОШАЯ,

ИСПЕКЛА НАМ СОЛНЦЕ!»

КОЛЬКА-ЧЕМПИОН

Кольке всего шесть лет. Но он уже человек. Недаром в ордер, когда Смирновым давали квартиру, вписали и его, Кольку.

Здорово живется ему в большом новом доме. Во весь двор огромный каток. А народу на нем — тьма. Особенно полно после четырех, когда кончают смену рабочие из соседнего общежития. Как защелкают клюшками, как замелькают на льду красные, синие, зеленые шапочки.

Дядя Андрей из соседней квартиры тоже любит кататься. Коньки у него чудные какие-то — длиннющие, наверное, с метр. И острые, как бритва. А ботинки — во! С корыто. Сам дядя Андрей говорит, что номер у него «сорок последний, растоптанный».

Дядя Андрей катается поздно вечером, когда на катке уже мало народу. Ложась спать, Колька видит внизу, за окном, под электрическими столбами, быстрю черную тень. Говорят, дядя Андрей — чемпион, и он тре-ни-ру-ет-ся.

Кольке тоже хочется стать чемпионом. А у него нет даже «снегурок». У отца лучше и не просить, неделями пропадает в командировках. Мать уходит в школу затемно и когда возвращается — на улице также темно. Бабушка говорит про нее, что она нервная. Лучше не надоедать маме, попадешь еще под горячую руку...

Всю ночь Колька мечется в постели, а утром вскакивает раньше всех. На лестничной площадке замечает приоткрытую дверь, а в коридорчике за дверью... коньки. Те самые — длиннющие, острые. Только надень их — и понесут в тридевятое царство, в тридцатое государство, за синее море, за высокие горы.

«Я же на полчасака, — переминается с ноги на ногу Колька, — возьму и назад. И никто не заметит... Я же на полчасака...»

Он хватает ботинки за длинные языки и, перепры-

гивая порожки, слетает во двор. На каток. Не разуваясь, всовывает свои подшитые валенки прямо в ботинки и утопает в них. Зашнуровывает почти у колен. Первый шаг и — носом. Он старается не плакать, но слезы выступают сами собой. Когда он поднимает голову — над ним дядя Андрей.

Дядя Андрей подхватывает Кольку за воротник, ставит на ноги и — хохочет. Да так сильно и заразительно, что где-то на четвертом этаже открывается форточка и чей-то голос встревоженно спрашивает:

— Что такое!..

— Ну вот что, чемпион, — говорит, отдышавшись от смеха, дядя Андрей. — Коньки эти не подходят тебе, велики, покатаешься — отнесешь на место, а завтра я достану тебе «снегурки». Идет?

— Идет.. — шепчет обрадованный «чемпион» и утирает слезы.

«ДУХАНЧИКИ»

Алька знает Африку еще с прошлого лета. А теперь он старше ровно на год и, конечно, во сто раз умнее. Потому что с папой они прочитали сто книжек про Африку. Про доктора Айболита, про страшного Бармалея, про доброго шоколадного мальчика Фикки, который никогда не видел шоколада, и про птичек, которые улетают на зиму в Африку. Стоит папе взять газету в руки и сказать слово «Африка» — Алька вот он, читай всю газету. Алька знает всего-то две буквы — «А» и «Ф». Стоит Альке увидеть их где-либо рядом, он тут же тянет это свое сокровище папе. И читают они газеты, журналы, даже самые толстые книжки, где есть это слово — «Африка».

А сегодня папа пришел с работы красивый и радостный. Положил перед Алькой кулек, а в кулке — золотые шары.

— Вот, — сказал, отдуваясь, папа. — Купил. Апельсины из Марокко.

Алька был равнодушен. Пап даже обиделся.

— Африканские, — быстро поправился пап. — Это тебе от доброго твоего шоколадного мальчишка Фикки.

Алька взял золотой шар, повертел в руках, посмотрел снова на папу.

— Вот, — сказал, торжествуя, паши надорвал кожуру. Запахло сильно и вкусно.

— Духанчики, удивился Алька. — Папа, это духанчики! — затормошил он папин рукав.

После первой же дольки, захлебываясь от сладкого сока, Алька всплеснул руками и запел во все горло:

— Да здравствует, милая Африка!

Ура, ура! И рада, и счастлива вся детвора!

Через полчаса кулек похудел. Алька подошел к папе, попросил тихо-тихо:

— Папа, купи мне шоколадку. Серебряную. Со словариком.

— Ну, хорошо, хорошо. Завтра куплю, — сказал папа сердито, оттого что даже сейчас Алька помнит о какой-то там шоколадке.

— Нет, не завтра, а сегодня, сегодня! — захныкал Алька.

— Ну, хорошо, — сказал папа и вернулся после работы домой с шоколадкой.

А когда папа засел за свои чертежи, Алька вышел во двор, пролез сквозь дырку в заборе, подобрался к голубятне дяди Матвея. Голуби с шумом взлетели, а в сарае закудахтали куры. На крыльце показалась соседка тетка Настасья. Закричала звонче, чем куры, схватила Альку и притащила к папе.

- Гляди, — уперев руки в бока, грозно сказала тетка Настасья. — Сменщик-то твой... весь в тебя чужих кур гонять!

— Я не кур, — для приличия всхлипнул Алька. — Я к голубю... привязать шоколадку...

Папа посмотрел на Альку внимательно, взял за пле-

чи, и пошли они к калитке — такие похожие, светло-головые.

— Тьфу! — плюнула с досады тетка Настасья. — Подрос шкода на мою шею.

. А папа привел Альку домой, поставил перед собой и сурово спросил:

— А зачем ты, Алька, хотел привязать к голубю шоколадку?

Алька смотрел на него, не мигая, не опуская глаз:

— А помнишь, папа, мы читали про птичек, которые улетают в Африку, к доброму шоколадному мальчику Фикки? Помнишь, ты сам говорил: на хорошее давать сдачи только хорошим?

— Помню, — смущенно ответил папаД, — Но... понимаешь... улетают в Африку осенью, а сейчас только май. Давай мы лучше напишем доброму шоколадному мальчику Фикки письмо. Оно долетит до него быстрее, чем птица.

Весь вечер Алька с папой сочиняли письмо. А когда вложили его в конверт, Алька взял оранжевый карандаш и вывел на нем вместо адреса две оранжевые буквы — «А» и «Ф». Совсем близко друг к другу. И сбоку нарисовал огромный оранжевый шар.

КНИЖКИНЫ ВИТАМИНЫ

Когда-то я подарил Гошке азбуку. Большую чудесную азбуку с огромными буквами. И все мечтал, когда научу Гошку складывать из них не просто домики и заборчики...

А теперь Гошка сам складывает слова. Слева направо и справа налево. Но книжки сам читать почему-то не хочет. Ждет, чтоб читала мама. Вот и сейчас я положил перед ним новую книжку, а Гошка тянет к окну. Там черемуха, там чирикают воробьи.

— Мама пришла! — кричит он.

Мама в дверях. Идет, на ходу припеваает:

— Козлятушки, ребятушки, ваша мама пришла, молочка принесла.

И достает из волшебницы-сумки клубнику, черешню, смородину. Замечает на столе раскрытую книжку, видит кислого Гошку и говорит укоризненно:

— Опять ты, папа, ребенка мучаешь?

И сажает надутого Гошку за маленький столик, ставит перед ним яркую чашку с клубникой, черешней, смородиной.

— Ешь, милый, ешь витаминчики.

— А зачем в ягодках витаминчики? — интересуется Гоша.

— Чтобы их ели дети.

— А зачем их едят дети?

Мама смотрит на чересчур уж серьезного Гоку, и ей становится очень смешно.

— А чтоб они, — смеется мама, — были веселыми, как Буратино.

— Как Буратино? — удивляется Гошка.

— Чтобы они были добрыми, как Айболит.

— Как Айболит? — просияв, улыбается Гошка

— Чтобы они были большими и сильными, как дядя Степа.

— Как дядя Степа, ура! — вскакивает из-за стол Гошка.

Через пять минут ягоды съедены, и Гошка жи усаживается в кресло, оживает, когда же он станет большим и сильным, и добрым, и смелым. Но время идет, а большим он почему-то не делается. Сильным — тоже. А веселым? Эх, чем больше сидишь, тем становится все скучнее. А когда мама ушла до самого вечера к бабушке, так и вовсе сделалось грустно.

— Что, Гошка, плохо? — говорю я ему. — Плохо без мамы? И витаминчики не помогают?

— Не помогают, — вздыхает Гошка.

И вдруг меня осеняет.

— И не помогут! — говорю я решительно. — По

му что... потому что мама забыла про волшебную книжку. В книжке тоже, брат, витаминчики. Да что ягоды без этой вот книжки! А чтоб кушать книжкины витаминчики, надо сначала научиться читать...

— А зачем кушать книжкины витаминчики?

— А чтоб ты был веселым, как Буратино.

— Как Буратино? — смотрит недоверчиво Гошка.

— Чтоб ты добрым был, как Айболит. Большим и сильным, как дядя Степа.

— Как дядя Степа? — просияв, улыбается Гошка.

— Да, самым умным, самым честным, самым сильным и самым веселым. Если кушать не только ягоды, но и книжкины витаминчики.

— А ты уже умный? — спрашивает, прищурившись, Гошка. — Ты веселый? Ты сильный?

— Не знаю... Но все равно, кто больше ест таких витаминчиков, тот умнее других, и сильнее, и добрей. Он может раздвинуть тучи, и тогда светит солнце. Может стать капитаном... Вот какие они, эти книжкины витамины.

Теперь Гошка сам часто бежит ко мне со своей книжкой, просит послушать, как он читает. Мама лишь удивляется. Мама не знает, что Гошка хочет раздвигать тучи, хочет в море, очень хочет стать капитаном.

О ТОМ, КАК ПОДРОСЛА РУБАШКА

На ночь мама искупала Лешика. Одеда в чистенькую рубашечку. Передала папе:

— Вот тебе, папа, твое сокровище. Сегодня суббота, разрешается Лешику посмотреть телевизор.

— Но ведь передача не детская, — возразил папа.

— Нет, детская, детская! — захлопал в ладоши Лешик и побежал усаживаться на диване.

— А почему там в телевизоре дядя в погонах? — спросил он через минуту.

— Потому что дядя — солдат, — ответил Леши папа.

— А почему он стоит с ружьем?

— Потому что охраняет нашу границу.

— А почему он охраняет нашу границу?

— А потому что потому, — отвернулся папа и зашлепал свежей газетой.

Папа читал, мама гладила. И было тихо-тихо. Никто по комнате не ездил на тракторе, не летал в самолете, не стрелял во врагов...

— А где же Лешик? — заметила мама.

— Да, действительно, — сказал папа.

Лешику нашли в спальне. Он добровольно стоял в углу, возле игрушек, куда ставили его иногда папа и мама.

— Что ты, Лешик? — спросила ласково мама. — Почему ты в углу?

Лешик потоптался на месте, поднял голову, посмотрел ясным и искренним взглядом.

— Потому что я охраняю границу.

— А почему ты охраняешь границу? — приняла его игру мама.

— Потому что я солдат.

— А почему ты солдат?

— А потому что потому, — отвернулся Лешик и поправил на плече свой игрушечный автомат.

— Э-э, — покачал головой папа, — так, малыш, с мамой не разговаривают. Какой же ты, выходит, солдат.

Лешик потрогал погоны, погоны были на месте. Подпоясался ремешком и... заметил, что рубашка, его любимая зеленая рубашка с погончиками, стала короткой, выскакивает из штанишек. «Вот видите, — смотрел Лешик на маму и папу, — я уже не малыш. Только какой же я в самом деле солдат в такой вот рубашке?» — «Конечно, — соглашались пап и мама, — с формой у тебя не порядок».

— Завтра я куплю тебе другую, новую рубашку, — наконец, сказала вслух мама.

— Не хочу другую, хочу эту... с погонами. Хочу, чтоб она стала большой. Хочу стоять на границе...

— Ну, хватит, — остановил Лешика папа. — Тебе, я вижу, пора спать.

И едва Лешик задышал в кроватке глубоко и спокойно, как мама взялась за рубашку. Достала зеленые нитки, отыскала зеленый клочок. Вертела его так и этак. Папа помогал маме советами, честно сидел допоздна.

А утром, как только проснулся, Лешик протянул к стульчику руку, нащупал рубашку и сразу надел ее.

— Смотрите! — закричал на всю комнату Лешик. — Рубашка моя подросла!

— Неужели подросла? — прибежав, удивились папа и мама.

— Да, подросла, — закивал светлым чубчиком Лешик. — Гляньте, с края какая яркая, какая зеленая.

— Это новая форма такая, — вздохнула мама. — Солдатская-пресолдатская.

— Солдатская-пресолдатская! — запрыгал от радости Лешик.

Теперь, когда к Лешику приходит Сережа, Лешик не всегда сломя голову летит с ним во двор. Он стоит с автоматом у ящика, в котором игрушки. Очень важный и очень серьезный.

— Почему ты в углу — наказали? — ехидничает Сережка.

Лешик смотрит на него свысока:

— Потому что — видишь погоны? Лешик — солдат.

— А почему ты стоишь с автоматом?

— Потому что охраняю границу.

— А почему охраняешь границу?

Лешик с минуту молчит, размышляет. Потом трогает ящик:

— А потому что здесь все друзья мои — Буратино, пудель Артемон, железная дорога, молоток и автобус.

— Я не горе, — ответил Андрейка, незаметно отряхивая штанишки, — я просто делаю снежную горку.

— Все равно невоспитанный. Что скажет папа, когда вернется из командировки?

Андрейка опустил голову: маме, конечно, виднее.

— Мы приготовим папе сюрприз, идет?

В свои четыре с половиной года Андрейка хорош знал, что сюрприз означает подарок, а подарки он очень любил и сам.

— Приготовим? Па-а-пе? — протянул он чуть разочарованно.

— Ол-ля-ля! — подхватила мама Андрейку и закружила по комнате. — Мы выучим десять слов по-французски, мы удивим нашего папу...

Вечером начался первый урок.

— Это лё тапи, — показывала мама на стенку во кровати.

— Никакие не «лё тапи», а вовсе мой коврик.

— По-русски, разумеется, коврик, а по-французски «лё тапи», ясно?

Ясно, конечно. Разве же переспоришь маму? Папа и тот иногда сдается. Андрейка морщился в размышлении: «Чудно как-то, коврик и — «лё тапи»...»

— А вот я у папы спрошу, — решительно заявил Андрейка.

— Не разговаривай! Повторяй за мной: мячик — лябаль, кроватка — лё ли...

— Кроватка — люли! — произнес уныло Андрейка.

— Да не люли, а лё...ли! — раздражаясь, сказала мама. — С чего это, скажи на милость, люли?

— Люли, — повторил вслед за мамой Андрейка и заплакал.

Наутро мама укутала его потеплее, сунула пол мышку книжку с цветными картинками и оттащила к соседке.

— А-а, Андрюшенька пришел, — запела, засуетилась соседская — Витькина бабушка. — Сейчас, сейчас Витя покажет тебе ракету... Витька!!

Андрейка хотел ему, как и вчера, скорчить рожицу, но помешала бабушка. Андрейка протянул принесенную из дому книжку, попросил пожалобнее, как просил только маму, когда очень хотелось послушать про французского короля, у которого росли ослиные уши:

— Почитай, бабушка.

Бабушка долго всматривалась в написанное. Потом надела очки. Потом ^няла их.

— Не вижу я что-то, внучек. Стара стала... Вот Витька этот мастак.

Витька важно взял у бабушки книжку, смерил Андрейку презрительным взглядом: он, Витька, как-никак ходил уже во второй. Витька взглянул на страницу. Наклонился пониже, растерянно перевел глаза на Андрейку.

— Ну, чего ты? — спросил Андрейка.

— Я сейчас, сейчас, — заторопился Витька. — Тут только буквы какие-то... кверху ногами.

— Переверни книжку, — посоветовала бабушка.

— А ну, дай, — протянул руку Андрейка и повел пальцем по строчке. — Люли... лю-ли...

— Батюшки свет! — ахнула Витькина бабушка. — Никак по-заграничному писано... Карапуз — и ведь читает, читает по-ихнему! Вот оно как в ученых-то семьях. А что это, милый, будет люли-то?

— Автомат, — не моргнув глазом, ответил Андрейка.

— Автома-ат?.. Глади-ка, — умилилась старушка и, повернувшись к Витьке, больно дернула его за ухо. — А ты, идол, только на шкоду!

Витька потрогал ухо: плакать, да еще при Андрейке, никуда не годилось.

— А у моего брата есть лыжи, — заметил он грустно.

— А у меня автомат.

— А у меня пушка, во! Она посильнее твоего автомата.

— А мой папа приедет из командировки и забросит твою пушку, ого-го куда, через крышу.

Папы у Витьки не было, и как-то обидно вдруг ста-

до от этого Витьке, схватил он Андрейку зашиворот, и они покатались по полу.

Вечером пришла Андрейкина мать. Андрейка отвернулся к стене: он ждал ее, ждал вот уже два часа, и горло болело, и хотелось домой...

— Сын, — сказала усталая мамд — я не могла раньше.

Он не стал пить даже кефир, сидел на кровати своей в серой пижаме — маленький и несчастный.

— Ну, Андрейка, Андрей! — тормошила его мама. — Ну, давай, давай почитаю... А лучше закрепим пройденное. Так как по-французски «ковер»?

Андрейка молчал.

— Ты слышишь? Я спрашиваю! — голос ее сделался тверже. — Как будет «ковер»?

— Лё ковер, — уныло ответил Андрейка.

— Что я слышу! — схватила за голову мама. — Нет, вы только послушайте... Да легче слона научить, чем тебя.

Губы у Андрейки задержались, глаза налились слезами.

— Лё тапи, — сказал он. — И еще есть ля баль и люли.

А ночью ему мерещилась Африка, где ужасно большие слоны с ужасно большими ногами хотели затоптать и его, и маму, и Витьку...

А утром как продолжение сна Андрейка увидел папу.

— Ты? — облегченно вздохнул Андрейка и протянул руки.

Мама подошла к мужчинам, весело подмигнула Андрейке:

— А ну, что мы приготовили папе? Скажи нам, как будет «кроватька»?

— Как же еще? Кроватька, — схитрил большеглазый Андрейка.

Папа только пожал плечами. А когда мама вышла на кухню, Андрейка положил папе руки на плечи, сказал папе:

— А давай-ка лучше с тобою по-русски... Я песню новую выучил. — И запел хрипловатым баском:

— Три танкиста, три веселых друга —
Экипаж машины боевой...
И мой велосипед.

— А при чем тут велосипед? — спросил папа и лукаво прищурился. — Разве велосипеды боевыми бывают?

— Это просто песня такая, — ответил Андрейка. И наклонился, зашептал папе на ухо: — А правда, папа, — мама говорит, ля баль — это мяч, лё тапи — ковер, а кроватька — л ю и?

ПОДАРОК

Егорка скользнул в ворота парка и неожиданно в середине главной аллеи увидел елку. Кланяются земле мохнатые лапы, тенькают на ветру сверкающие шары. Чтобы лучше разглядеть их, Егорка приподнимается даже на цыпочки.

— Эй, берегись! — слышит он сзади предостерегающий крик.

И сани с детворой проносятся мимо под самой елкой.

— Выгружайсь! — командует возчик, и Егорка узнает в нем Петькиного отца.

— Амба! — хрипит простуженным голосом Петькин отец. — На этом граждане, катание закругляю.

— Ну, как же, — подступают родители, — дети мерзли... дети так ждали...

— Ждали! — сердится простуженный голос и тычет кнутовищем Егорку прямо в живот. — Вот это пузо, небось, пряниками набито, а моему мерину солома и та в праздник... Продрогли, говорю, верно, Васька?

Мерин Васька стоит, опустив крупную голову, едва не касаясь снега отвислой губой. Лишь изредка от взрывов смеха он дрожит местами мелкой дрожью, беспокойно прядет ушами. Егорка трогает Васькино брюхо, похожее на бочку из-под капусты, проталкивается впе-

ред, гладит Васькину челку. Васька подбирает губу, глядит таким благодарным, почти человеческим взглядом, что у Егорки щекочет в носу.

Целый день Егорка думает о Ваське, неужели Васька всю жизнь ест только солому? Неужели никогда-никогда не пробовал пряников — таких замечательных мятных пряников, которые мама иногда приносит Егорке после работы? И зимой, и летом возят и Ваське воду из речки и во рту у него железка...

Вечереет. Видит Егорка в окно: Петькин отец подъехал на Ваське к «Закусочной». И стоит Васька час стоит два. Пороша ложится на сани, на рыжую гриву а шея все ниже, губа касается снега.

— Егорушка! — вбегает в комнату счастлива мама. — Гости пришли!!

Гости — это детсадовские товарищи, соседи по дом Никита, Петька и Леночка. Мама зажигает на елк огни, и все начинают прыгать-носиться, шуметь и скакать вокруг елки. Всем ужасно весело и хорошо. По том мама и говорит:

— Сейчас, дети, дедушка Мороз принесет вам подарок:

И сама уходит на кухню, а оттуда с маминой сумкой и с кочергой вышагивает Дед Мороз. Но Егора н проведешь: это, конечно, мама. Просто переделалась свой больничный халат да надела маску.

Мама раздает всем гостинцы в хрустящих пакет^{ах}. Сквозь прозрачные стенки пакета Егорке видны зефи и яблоко, его любимые мятные пряники. И снова вспоминает Егор бедного-бедного Ваську, который никог в жизни не пробовал пряников.

После ухода гостей Егорка отчего-то расплакался никак не хотел ложиться в постель. Согласился тол ко после того, как мама сказала:

— Если будешь послушным, этой ночью Дед Мо принесет тебе у-ди-ви-тельный подарок!

Лежит Егорка в постели и думает: «А какой хоть он. Дед Мороз? Наверно, большой, как Спиридон Ти-

мофеич... И добрый. Потому что вон сколько людей, и каждому нужен подарок...»

Егорка решает этой ночью не спать: подкараулить Деда Мороза, хоть одним глазком увидеть его, настоящего-то. Скрипнула дверь — мама! Егорка притворился спящим, даже зачмокал, как будто во сне, губами. С минуту мама смотрит на него, Егорке кажется даже, что она загадочно улыбается. Потом мама вносит что-то большое и серое, ставит рядом с кроватью. Сквозь ресницы Егорка успевает заметить, что это деревянный конь с белой гривой, который так понравился ему когда-то в универмаге.

Но радость вся пропадает, Егорка скучнеет, сделал открытие: оказывается, и не какие не Деда Морозы приносят в новогоднюю ночь подарки. А может, и вовсе нет Дедов Морозов?

Вздыхнув, Егорка поворачивается к стене, хрустит пакетом с мятными пряниками. И опять вспоминается Егорке тот, живой мерин Васька. Бедный-бедный Васька! Никто не принесет в эту ночь никакого подарка, Васька так и не отведаст пряников... А Петькин отец заходит в столовую...

Егорка встает с постели. В доме все тихо. В сумерках ищет валенки, стягивает с вешалки шубу и шапку.

На дворе лунно и сказочно. С неба кто-то, словно с серебряной скатерти, стряхивает вниз тонкую пыль на новогодние крыши, на куст сирени, на будку Шарика, на Егоркины плечи.

Егорка крадется по улице. В тени домов чудятся ему ведьмы и лешие, жутко Егору! Подгибаются ноги, руки вцепились в хрустящий пакет. Вот и Петькин забор. А вот и сарай. Дверь приоткрыта. Васька, наверно, спит.

Собравшись с духом, Егорка ныряет в черную щель. Нашупывает кормушку, кладет на солому мятные пряники. Облегченно вздохнув, улыбается своим мыслям: «Пусть Васька завтра подумает, что ночью к нему приходил Дед Мороз».

У ЛУКОМОРЬЯ

Вечером папа сказал, что завтра они с Гошкой пойдут провожать русскую зиму. Гошка сейчас же побежал похвалиться соседскому Вовке, который был на год старше и потому дружил только с Костей. Вовка сидел в кресле с двумя пистолетами и не очень веселый.

— Я придумал игру такую — дуэль, — сказал он. — Я Пушкин, а бабушка не хочет Дантесом... Давай будем играть с тобой? На пистолет.

— Давай, — согласился Гошка и щелкнул курком.

— Я буду Пушкиным, — сказал Вовка, — а ты Дантесом.

— Не-ет... Я не буду Дантесом.

— А какой же ты Пушкин? — хитровато прищурился Вовка. — У тебя даже волосы не вьются.

Гошка потрогал свои прямые белесые волосы, однако упрямо покачал головой.

— Ну, ладно, — вздохнул кудрявый, многоволосый Вовка. — Будь Пушкиным, и я тебя... и... и...

Поднялись в руках пистолеты: бах-бах!

— Падай, Гошка! — закричал Вовка. — Ты же Пушкин, тебя застрелили!

— Нет, это ты падай.

— Но ведь я же Дантес, а ты Пушкин, и тебя застрелили.

— Не хочу падать, — сморщился Гошка, и губы его задрожали. — Не хочу, чтобы Пушкина застрелили...

Было тихо. Тикали бабушкины часы. Где-то далеко ехал трамвай. Гошка подошел к Вовке, опустил глаза, в которых стояли слезы, и сказал:

— Ладно, Вовка, я буду Дантесом. — А потом совсем тихо: — И давай мы лучше застрелим Дантеса...

Ночью Гошка спал плохо. А утром, едва, лишь проснулся, сразу к папе:

— Ну, поедем провожать русскую зиму?

А на улице было как в сказке. Под солнцем все искрилось и переливалось. С неба сыпались сухие морозные блестяшки.

Возле парка было много народу. Бегали тетеньки в ярких одеждах, играли гармошки. Рядами вытянулись самовары, попыхивали загнутыми трубками.

— Выпьем чаю с дымком? — подмигнул пап Гошке.

— Выпьем, — ответил Гошка.

— Съедем русских блинов?

Гошка живо начал снимать рукавички.

Крутились карусели, гремели оркестры, дяди лезли на столб за подарком. А папа с Гошкой нашли над обрывом беседку и смотрели далеко-далеко по заснеженной речке, словно прощались с зимой.

Потом купили у тети Снегурки книжку Пушкина. Прямо здесь и читали:

— У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.

А когда уходили домой, уже возле почтамта пап^взял сынишку за локоть:

— Ну-ка, посмотри вон туда... Угадай, кто это?

— Пушкин! — Гошка даже подпрыгнул от радости и восторга.

На грузовике стоял дуб, обвитый златою цепью, а рядом сидел на скамейке сам Пушкин. Пил чай. Гошка подтащил папу поближе и, засмеявшись, позвал:

— Пушкин, а Пушкин!

Пушкин наклонил свою черную шляпу и улыбнулся, помахал, уезжая, белой перчаткой.

Едва добрались на трамвае домой, Гошка тут же к соседскому Вовке:

— А мы были у лукоморья, провожали русскую зиму, и я сам видел Пушкина, и он помахал мне перчаткой. Значит, Пушкин живой!

СЕРЕЖКИНЫ БЕРЕЗКИ

Ай да апрель, что за славный месяц апрель! То березки стояли скучные и по пояс в снегу, а то, словно дымом, покрылись коричневым, показали разутые ноги. Нам с Сережкой все из окошка видать. «Только сух ли там, за окошком?» — гадали мы. И обули калоши — и прямо из детского садика в лес.

— Папа, идем же туда, где Солнце, — оборачивается Сережка и тянет меня по тропинке, за которой на ветках висит большой огненный шар.

— А зачем?

— Забыл? Там мы будем с тобой загорать.

Целую зиму мы с Сережкой не были на любимом поляне. Целую зиму там гуляли колючие ветры и стужили березы...

Тонет нога в прошлогодней траве, чиркает снеговодой.

— Слышишь, Сергей? Где-то скворушка.

Сергей вертит вязаной шапкой, водит веснушчатый носом, потом смотрит себе на ноги.

— Это ж калоши, — догадывается Сережка, — моновенькие калоши.

— Гляди, — и он трет одну о другую.

Скворец затрещал совсем близко.

— Эх ты, — смотрю я на Сережку, — калоша! С всем, брат, мы с тобой отвыкли от леса.

— Отвыкли, — вздыхает Сережка и ведет зубцо расчески по сырой земле, приговаривает: — А это, папа железная дорога.

А железный зубец от расчески прыг да в листья отыщи-ка попробуй.

— Ничего-ничего, Сергей, летом вырастет больша расческа.

Мы идем и смеемся, и рвем на пути лук гусиный. Мы идем и жуем и машем руками. Мы идем на любимую поляну, к любимым березкам. Мы увидели по до

роге серо-желтую птичку, наверно, овсянку. И снова погнались за ней, а она захромала, забилась в голый малинник.

— Выздоровливай, бедная, — сказали мы вместе с Сережкой и положили ей: я — ломтик хлеба, Сережка — гусяного луку.

А потом мы пошли дальше — на любимую поляну, к любимым березкам.

— Папа! — забежал вперед мой Сережка. — Гляди-ка, наши Анюты...

Три сестры, три Анюты, три любимых березки росли из воронки, по колени стояли в воде. На всех ветках, даже на самых тонюсеньких, висели сережки.

— Как красиво! — загляделся в зеркальную воду Сережка. — А как называется это?

— Это? — схитрил я. — Это... Сережкины березки.

— Да нет, не березки, — отмахнулся от их слов Сережка, — а вот эти... шнурочки.

— Ах, шнурочки? Березкины сережки.

Сережка взглянул на меня: не шучу ли? Успокоившись, замахал снова рукой, запел только что придуманную им весеннюю печню:

— Ай, да-да, Сережкины березки,
Ай, да-да, березкины сережки...

И пошли мы с ним еще дальше, туда, где загорали все прошлое лето. И Оережка стал вдруг снимать пальто.

— Еще рано, — сказал я Сережке. — Холодновато.

А кругом шелестели едва уловимо березки, дрожали серой, обвисшей вокруг ствола пленкой. А под пленкой белела кожица, пахло горькими почками.

— Ой, — запнулся Сережка. — Кто березку раскрасил?

Тут-то я и заметил, что ножка ее вся в желтом-прежелтом — мох! Чуть подальше увидели пень — старый, черный, глухой. И увидели рядышком сочный и розовый. И тогда я вдруг понял, что сегодня и вправду

весна. Подошел к крайней березке и раздвинул ножичком белую корку.

— Пей! — сказал Сережке. — Этим соком тебя угощает березка, а березку угощает земля.

Солнце село, и мы повернули обратно. И зашагал по-солдатски Сережка, замахал по-солдатски руками, запел на весь лес свою песню:

— Ай, да-да, Сережкины березки,
Ай, да-да, березкины сережки...

— А чего же ты не поешь? — остановился Сережка.

Я запел. И пошли мы вдвоем к тому дому, что и в ночь светился нам окнами, зашагали вдвоем по-солдатски:

— Мы поем хорошую песенку,
Песенку про березки Анюты,
Про хромую птичку, которой
Мы дали хлеба и гусяного луку,
И еще поем про березовый сок...

На опушке мы остановились, и я приставил к уху ладонь:

— Слышишь, Сергей? Где-то скворушка.

— Слышу, — ответил Сережка.

ЗЕЛЕННЫЕ СТРЕЛЫ

Ур-ра-а! Они ехали в отпуск. Папин и мамин. Мамин и папин. И еще, конечно, его, Антошкин, потому что воспитательница Светлана Андреевна, прочитав заявление, сказала папе и маме:

— Ну, что ж, и Антошке полагается отпуск. Он честно ходил зимой в садик.

А Антошка знает, как честно: болел и ангиной, и гриппом, и даже свинкой. Потому и спорили перед отпуском мам и папа, все решали, куда лучше ехать. Мама была за Крым. А папа тянул в свою деревеньку, где прошло его детство. Под конец он успел шепнуть

Антошке, что научит его там одной интересной игре такой-в зеленые стрелы. И хитрый Антошка сказал маме, что лучше в деревню.

Папа улыбался. Антошка вертелся на деревянном сиденье, подгонял почему-то медленно мчавшийся поезд и думал: «Как интересно, что папа был маленьким, жил в деревне и играл в зеленые стрелы».

А потом шли пешком, оказалось, дедушка живет не в самой деревне, а папа сказал — на кордоне.

Папа поставил чемодан перед дверью: на двери висел огромный замок. Все с упреком посмотрели на папу, мама даже хотела что-то сказать, и папа немножко расстроился, подмигнул погрустневшему Антошке, нагнулся и отвернул у крыльца большой серый камень-валун. На бледной траве Антошка увидел серебряный ключ.

В доме было прохладно и сумрачно. На стене висело ружье — двуствольное, как у Антошки, но только большее, наверное, настоящее. Кошка лакала под столом молоко.

— Старина должен быть где-то поблизости, — сказал папа.

Антошка тут же отправился осваивать новые земли. Он погнался за красивой бабочкой, а когда бросился за ней на лопух, перед самым носом увидел две ягоды. Антошка оторопел: до сих пор он знал, что ягоды приносят из магазина, а тут висят себе просто так, под открытым небом, на тоненьких ножках — срывай губами и ешь.

А чуть дальше покраснели еще и еще. Крупные, теплые.
— Антошка, — услышал он папин голос.

Антошка слегка приподнялся и — что за чудо? — все ягоды сразу попрятались. Как ни в чем не бывало зеленела трава. Антошка снова прижался к траве — снова все загорелось.

— Ну как, привыкаешь? — разыскал его папа.

— Угу, — набив рот, не сразу ответил Антошка и

повернул к нему перепачканное лицо. — А про зеленые стрелы забыл?

— Нет, Антошка, я не забыл, — сказал папа задумчиво. — Только мама у нас сегодня сердится... Ну, хорошо. Расскажу тебе про зеленые стрелы. Идем.

Они подошли к огромному дубу, под которым скрывался весь дедушкин домик, и присели на кочку.

— Ты, мой мальчик, уже подрос, — посмотрел папа внимательно на Антошку. — Вот и пришла пора рассказать тебе эту сказку. Я ее слышал от бабушки, а мой дедушка тоже от бабушки. Давнишняя сказка...

Так вот. В давние времена пришли с Востока враги — несметные полчища. Вставали на их пути наши деды, но по одиночке. И чуть-чуть не выпили степные кони наши глубокие реки, не вытоптали наши широкие степи, но тут собрались наши деды все вместе, и каждый вырезал из дуба стрелу. И взвились в тучи острые стрелы, и там, где упала стрела, погиб вражеский воин и выросло дерево. Дерево к дереву — лес. Вот почему у нас на земле столько непроходимых лесов... Говорят, и наш прадед Степан стрелял во врага, и упала его стрела в это вот место, и вырос из него этот дуб...

Антошка поднял глаза: дуб как дуб, только огромный, почти до самого неба.

— Ну, а дальше, — продолжал папа торжественно, — каждый пускал зеленую стрелу, каждый свое и загадывал. А загадывали только хорошее, только то, отчего польза людям...

Папа срезал с ветки молодые побеги, сбил ножом листья — получились стрелы, зеленые стрелы. Потом согнул палку, притянул концы бечевой — получился лук, замечательный лук.

— На, Антон, — сказал папа. — Это оружие. А с оружием надо быть мудрым.

Антошка вертел оружие так и этак. Даже вспотел. Но все же освоился. А освоившись, пошпентал что-то и натянул тетиву. Стрела упала — огород, воткнулась в

мягкую землю, не успел Антошка кинуться следом, как совсем рядом раздался выстрел. Потом второй. Кто-то бежал с дальнего края поляны, размахивая руками.

— Это салют! — закричал радостный папа. — Оте-е-ец!
Лес повторил: «...те-е-е...»

В доме пошел дым коромыслом, мама двигала чемоданом с гостинцами, папа и Антошка мешали ей, а дедушка вытаскивал из сумки красноглазых живых окуней и все сокрушался:

— Да как же так получилось, что мы разминулись? Я же, слушай сюда, за вами до станции. А вы-то какой дорогой?

— Степной, отец.

— Степной! — взмахивал руками дедушка. — Да лесной, слушай сюда, вдвое короче. Ай, Петро, Петро, или стал, милый, леса бояться?

А городские сидели уплетали свежеподжаренную рыбу и озорно переглядывались. Один только Антошка знал, почему маме стало так весело, почему она ласково смотрит на Антошку, на дедушку и даже на папу. Просто потому, что очень хорошая вещь — эти зеленые стрелы, на которые стоит только лишь загадать...

А утром, после завтрака, дедушка снял со стены ружье, стал собираться на Бобровую речку. Антошка с папой провожали его до кривой, разбитой грозой, сосны. Дедушка шел, хромя на правую ногу.

— Что, отец, крутит? — спросил его папа сочувственно.

— Крутит, сынок, крутит берлинская рана. К дождю, верно.

Через день из деревни пришла тетя Фекла, принесла кубан молока и кучу деревенских новостей. Под конец рассказала, что к Авдотье приехал сын-офицер, говорил: на границе опять неспокойно.

— Сидим тут без газет и без радио, — вздохнула мама. — Надо хоть в библиотеку сходить. А то земной шарик где-нибудь лопнет, через месяц узнаешь.

— А он никогда не лопнет, — живо откликнулся Антошка.

— Почему это?

— А потому... потому, — сказал он решительно, — что у меня есть зеленые стрелы.

Мама засмеялась, а дедушка внимательно посмотрел на папу.

Антошка совсем тут освоился. Сам мастерил себе из дубовой ветки стрелы и пускал далеко-далеко. А когда сегодня он прибежал за стрелой к старой березе, перед ним вырос чужой рыжий мальчишка.

— Ты чего тут... стреляешь? — грозно надвинулся на него этот рыжий.

— Это игра такая, — ответил Антошка с достоинством. — Выпустишь эту стрелу — там, где она упадет, вырастет дерево. Но загадывать надо только хорошее.

— Ерунда все это, — покосился на Антошку рыжий мальчишка. — А зовут тебя как?

— Меня? Антошка.

— Ф-фи, Антошка — тошка-картошка, — зафыркал кто-то в кустах.

— Антошка — это еще ничего, — уже мирно сказал рыжий мальчишка. — А меня зовут Снопик. Вишь, какой я соломенный? Петька, говорит, солнцем паленый...

Из кустов вылезли сразу три девочки.

— А мы первые прибежали сюда, мы первые, а воспитательница вторая.

— А вы тоже тут ходите в садик? — удивился Антошка.

— А-а, — махнул на них Снопик, — они еще маленькие. Батька говорит, осенью я уже в школу пойду... А ну, дай-ка и мне стрелу.

Антошка дал Снопiku лук, а потом разрешил девочкам. Зеленые стрелы взлетели в синее небо и падали за кусты, на кротовые кочки, в траву. Все бегали, все смеялись. И Антошка с сожалением думал, что скоро ему возвращаться в город, а когда придет ког-

да-либо снова, на поляне — там, где падали стрелы, уже будут деревья. Огромные, как эти дубы-великаны, которые все тут, наверно, из таких же вот тоненьких стрел.

Лес шумел каждым дубом. Каждый дуб шелестел сказкой про зеленые стрелы.

АЛЕХА

Мы с Алькой взяли и приехали в совсем незнакомую деревеньку. Просто так, ни к кому. Отдыхать. Пришли, поставили вещи у колодезного журавля, а какая-то бабушка нас к себе и позвала. Крыша, сказала, над головой не течет, молока коровка пока что дает, луку на грядках хватает — живите, коли понравится.

А как не понравиться? Деревенька-то вся в лесу, на берегу тихого пруда. И в доме чисто, пол деревянный, желтый весь, выскобленный. А по полу и по стенкам трава, зеленые ветки. Липой пахнет. Прямо как будто в лесу.

Не успели мы оглядеться, как глядь: на пороге... может, девчонка? Потому что хоть и в линялом, но в платьишке. А может, мальчишка? Потому что на голове хоть и драный, но все же картуз. Волосы не стрижены, коленки сбиты.

— Ты кто? — спросил Алька, весь чистенький, в своей новенькой курточке с синими якорями.

— Я Алеха, — бойко ответила девочка. И спросила: — А мамка мне ничего не прислала?

— Н-не знаем, — пожали мы с Алькой плечами.

— Как же не знаете? — удивилась Алеха. — она тоже в городе живет, на заводе работает. Скоро и меня к себе заберет.

— Да уж жди, — заворчала бабка Анисья, — наша хозяйка и пошла ставить на стол крынку молока.

Почесала девчонка пятку о пятку, вздохнула:

— А Алеха я понарошку. Это мне папа придумал. А

потом он нас бросил, а меня привезли к бабке. — Алеха еще раз вздохнула. — А я никого не люблю... и бабку, потому что она дерется. Вожжами. — Алеха посмотрела на Альку и взмахнула своим картузом. — А я сама бью всех мальчишек, а тебя, не бойся, не трону.

— Только попробуй, — поднял голову Алька. — Я одному, знаешь, как смазал.

— А ну, смажь.

— И смажу.

— Попробуй, попробуй!

— И попробую.

Алеха бросилась в дверь, Алька за ней. И — во двор. Алеха остановилась, Алька налетел на кошку и чуть ли не растянулся. Кошка взвыла да на сарай.

— Кис-кис-кисонька, — протянула руку Алеха, кошка спрыгнула ей на плечо.

— Ой, а что покажу! — зашептала Алеха таинственно и схватила Альку за майку, потащила в кладовку.

Вышли оттуда они с пузырьком.

— Капли, — пояснила Алеха. — Бабкины.

Она вылила их в жестяную баночку — валерьянка! Кошка вырвалась из Алехиных рук — и к жестянке. Заработала языком, задвигала банкой. Потом повалилась на траву и давай вертеть лапами, подмурлыкивать.

— Пьяная, — с грустью сказала Алеха. — Как папка, бывало, после получки... А смотри фокус.

Из хаты выскочила бабка Анисья. Ахнула и тут же скрылась в кладовке.

— Побежала капли проверять, — усмехнулась Алеха. — Сейчас вылетит с палкой.

Они очутились на озере. Здесь мальчишки ловили руками раков.

— Отдай мой картуз! — подскочил белобрысый к Алехе. — Отдай!

— Догони, — засмеялась Алеха и пустилась со всех ног наутек. А мальчишка за ней. А Алеха бегом по

наклонной раките. Белобрысый за ней. А Алеха — прыг и на нижний сучок, подтянулась и села. Белобрысый за ней, оттолкнулась Алеха и в воду — бу-у-лтых! Прямо в платье. Поплыла к тому, берегу, где мальчишки ловили раков.

Возвращались под вечер. Платье Алехино было разодрано. Кое-как соединила края дыры, скрепили репьем.

— Бабка ругаться будет, — мрачно сказала Алеха.

Бабка Анисья доила корову. Молоко дзинькало в пустое ведро. Потом запело спокойней и глуше.

— Ага, заявилась, — выглянула бабка из-под коровы. — Погоди ж у меня!.. А ну, Ленка, замеси гусям, да начисти картошки, да вычисти хлев. А завтра погодишь овец на пойму, хватит лодырничать.

Алеха стояла покорная, тихая, согнувшись так, что на спине выперли обе лопаточки. Пошла в хату. Вынесла на порог чугунок с вареной картошкой, мешок отрубей. Одной рукой мешала гусиное месиво, другой — придерживала дырку на платье.

— Слушай, — сказала ей Алька. — Хочешь, я подарю тебе свою новую куртку с синими якорями? Наденешь ее, и бабушка ничего не заметит. — Алеха молчала. — А хочешь мы возьмем тебя с собой в город? — Алеха молчала. — Мы найдем твою маму, хочешь?

Алеха только шмыгнула носом.

ГОЛУБОЙ КЛЮЧИК

(лесная сказка)

Папа взял в руки рюкзак и айда с Гошкой в лес Мурашихинский. Пришли, поставили палатку — розовую, с большими карманами.

Взяли ведерко и отправились воду искать. Шли-шли, взошли на бугор. Папа звякнул ведром:

— Ну, вот и ключик.

— Где ключик? Какой? — завертел головой Гошка.

— Известно, какой — голубой.

— Голубые ключи не бывают. Бывают только железные, как у тебя. И золотые, как у Буратино.

— А вот и бывают, гляди.

Они почерпнули водички, наклонились к ведерку и пили студеную воду, пока зубы не заломило. Потом присели на поваленный ствол, папа взял Гошкину руку:

— Хочешь, сказку про голубой ключик? Ну, так слушай. Давным-давно это было. В незапамятные времена. И пошел в лес по ягоды мальчик по имени Костя...

— Как тебя звали мальчика, да? — шевельнулся Гошка.

— Не перебивай!.. Так вот, пошел по ягоды Костя да и заблудился. Все в лесу стало вдруг незнакомо. А тут налетел ветер — потемнело небо, зашевелилась трава. Сделалось страшно. И есть захотелось. Вспомнил Костя про корзинку свою, поел земляники. Потом захотелось пить. Идет Костя по лесу, чует, слабеют ноги. На одном бугре, чтобы легче идти было, высыпал ягоды, на другом — Пустую корзинку, на третьем — вышвырнул из карманов — гайку, гвоздик и ключ. Железный ключ от квартиры. И там, где упал этот ключ, зажурчала, запела, зазвенела вода.

Костя принялся жадно пить. Оторвался и видит: вода голубая-преголубая, а по ней облака, а из облаков смотрит на него мальчик не мальчик, Костик не Костик... Пригляделся — как будто тетенька. Глаза сливовые, губы вишневые, на голове все сияет. Все в росе, все зеленой косой сплетено, взгляд бездонный... Вспомнил Костя папины сказки, догадался, что перед ним сама Мудрая Мурашиха.

Махнула она рукавом — звезды брызнули и упали на траву-мураву хрустальными каплями. Скользит Мудрая по муравам легким туманом — Костя за ней. Довела Мудрая до Сосновой поляны, опустилась на трон свой. А трон весь в лозинах-малинах, в ветках яблонь-дичушек, в кистях-лапах рябиновых. Сидит Мурашиха: на одном плече — Ворон, на другом — птичка Юрок,

перед ней самой — старичок Моховичок. Говорит Мурашиха Косте:

— Задам я тебе три задачи. Хоть одну выполнишь — отпущу с миром... Ну-ка, дедушка.

Поклонился ей Моховичок, повернул к Косте сморщенное, как у сушеного гриба, лицо.

— Сосчитай, — сказал, — хлопчик, сколько ягод в лесу Мурашихинском, сколько грибов?

Постоял Костя, подумал и пошел считать. Идет себе да посвистывает, справа налево поглядывает. По правую руку от грибов — серым-серо, по левую — красным-красно от ягод. Никогда бы не подумал, что столько всего, добра такого в лесу Мурашихинском. «Ну, как? — оборачивается старичок Моховичок. — Нравится?» — «Нравится», — шепчет Костя и считает, считает.

Но там, где уже сосчитал, прорастает еще боровик, а подальше (ну, на глазах прямо!), поспевая, зажигается земляника.

— Не могу, — опускает голову Костя. — Не могу сосчитать-то.

Старичок ведет Костю обратно. С кочки на кочку прыгает, о крушину тростинкой постукивает. Привел снова к Сосновой поляне...

— Что ж, вздохнула Мудрая. — Вот задача вторая. — И качнула левым плечом. Встрепенувшись, древний Ворон прокаркал:

— А скажи, какой зверь в лесу самый хитрый?

Постоял Костя, подумал и пошел знакомиться со зверями. Летит Ворон Воронович. От дуба к дубу, от березы к березе. Костя за ним. Смотрит — куст перед ним. Костя ближе еще — эх, как хватит куст от него да в чашу! Вот так куст, а не куст — рога лося. Ну, и хитрый зверь, этот лось. А Ворон Воронович манит все дальше. Летит от рябины к рябине, от крушины к крушине. Костя за ним. Глядь, а на самой опушке зайчишка. Подложил себе лапу под щечку и спит себе, носом посапывает.

— Ты что тут, косой? — прокаркала древняя птица.
— Я ничего, — подпрыгнул зайчишка. И сел, захлопал ушами. — У меня хитрость: скоро к нам на луг придут трактора, а я зайчишкам местечко обустроиваю.

«Не глуп и зайчишка», — подумал Костя.

Ворон Воронович все дальше в лес. Костя за ним. Видит — вьется тропинка, а на ней листок лежит. Пролетел Ворон — листок с писком нырнул в мышиную норку. Вот тебе и листок...

Возвратились к Сосновой поляне. Нахмурила брови Мудрая Мурашиха:

— Так какой зверь хитрей всех?

Молчит Костя, потупил очи.

— Ладно, — чуть-чуть подобрела Мудрая Мурашиха. — И последняя, третья задача. — Качнула она плечом — встрепенулся Юрок, пропел звучно и мягко:

— Сможешь спеть в лесу лучше, чем птица?

Вспомнил Костя песню свою про зеленую елочку и про смелых бойцов. И собрался запеть, да решил сначала послушать и птицу саму, и лес. Налетел верхний ветер — загудели сосенки, могучие сосны. Каждой веточкой, каждой иголкой. А Юрок не стерпел да на песню-то песней ответил — голосистая птаха!

— Ну, что скажешь? — спросила Мурашиха.

Костя поднял глаза, голубые и грустные.

— Нет, — сказал он ей честно, — не смогу сейчас спеть лучше птицы, не смогу лучше леса.

Посмотрела Мудрая на него долгим, внимательным взглядом и растаяла...

...Очнулся Костя у голубого ключа. Глянул еще раз на дно: никакой там хозяйшки, а только он, Костя. Пошел он по ручью, что бежал от ключа, да и вышел к деревне. Вывела Костю к людям Мудрая Мурашиха. Видно, понравился.

...Они еще долго сидели у голубого ключа, словно ждали продолжения сказки. Но Мурашиха не приходила.

— Папа, — наконец, спросил Гошка, — а что этим ключиком открывается?

Папа помедлил. Потрогал травинку. Заглянул в синюю воду. Наконец-то ответил:

— Этим ключиком, Гошка, земля открывается.

СИНИЕ СТРАНЫ

Наш дом на опушке леса. Если проснуться среди ночи, слышно в открытую форточку, как шелестят сухой листвой дубы. В этом лесу и живут синички — наши друзья. Мы с Гошкой приладили снаружи кормушку и бросаем туда корки, остатки картошки, а иногда, когда мама не видит, и печенье, и даже любимые Гошкины пряники.

Прилипнув к стеклу, Гошка часами торчит у окошка, смотрит и о чем-то своем шевелит губами. Я знаю о чем. Он разговаривает с синичками, они для него не просто синички — птички из сказок, которых у Гошки целая полка...

Когда наступила весна и побежали ручьи, синички перестали летать на окошко, а Гошка все ждал их, пока мама не решила выбросить нашу кормушку и на ее место поставила длинный такой ящик с землей. Мы здорово спорили с мамой, а мама махнула на нас рукой, заявила, что мы какие-то «непрактичные», летом в ящике вырастут вьюнки и закроют солнце, а то в комнате может испортиться мебель.

— А зачем закрывать солнце? — сказал Гошка. — Пусть себе светит.

— Пусть светит, — повторил я следом за Гошкой.

Но мама все же поставила ящик. Мы с Гошкой страшно обиделись, но молча переживали обиду. А вьюнки, между тем, росли-подрастали. Иногда Гошка смотрел сквозь них на темнеющий лес. И только сегодня, когда я вернулся из командировки, осторожно тронул меня за плечо:

— Пап, а наши синички синие, да?

— Синие, Гошка, синие.

— А почему они синие?

— Потому что там, где живут они, все на свете-сине-нее-синее. Ты не горюй, Гошка, они улетели к себе... в синие страны. Им там сейчас хорошо.

— Уйдем и мы с тобой в синие страны, уйдем?

Он хитровато прищурился, я понял его по глазам: «Сбежим от мамы? Пусть себе ставит ящики, пусть вьюнки закрывают ей окна, а мы возьмем да и уйдем туда, куда улетели синички». — «Некрасиво, Гошка, — ответил я ему, — ах, как некрасиво бросать нашу маму». — «Но ведь там же синие страны, — молили его глаза. — Там много солнца». — «Ты прав, мой сын, там действительно много солнца»...

— Ура! — поняв меня, запрыгал от радости Гошка. И в воскресное, утро, пока Анка не приехала с рынка, мы отправились в путь.

Сначала тропинка была нам знакома. Здесь мы с Гошкой гуляли, даже играли весной в партизаны, под этим дуплистым дубом ели с ним костянику. За дубом встретилось еще одно знакомое дерево — старый-пре-старый клен. А дальше все Гошке было уже незнакомо, только я с заводскими ребятами летними зорями хаживал по этой тропе на рыбалку.

Перед нами густели березы.

— Стой, Гошка! — произнес я торжественно. — Видишь? Здесь начинаются синие страны.

— Где, где начинаются? — вертел головой Гошка.

— Только их видит не каждый... Гляди, — только я его заметил в траве-нежданный-негаданный гриб. То был лесной великан.

— Такими грибы не бывают, — обиделся Гошка, оттого что не первым заметил его.

— А вот и бывают, — поднял я нашу находку и щелкнул по тугой ножке пальцем — подобабок загу-дел низко и глухо, в синеватой шляпе закачалась се-ребристая капля.

— Пей, — подал я Гошке грибную шляпу, и Гошка утонул в ней по самые уши. Наконец, он поднял на меня ласковые глаза. Как они были похожи на Анкины! Не теперешние, а те, пять лет назад, когда мы с ней познакомились в лыжной секции. «Ах, как вкусно! — говорили они. — Если б ты знал, как это вкусно». — «Я знаю, малыш, это волшебные капли. В этих странах, малыш, все волшебное»...

— Идем! — подал я руку ему и увлек за собой.

Мы шли с ним березняком. Ближе к полянам березовым и рубашки наши, и руки, и лица светлели, и Гошка все спрашивал, почему кругом так светло и кто обернул деревья бумагой?

— А где же синички? — наконец, вспомнил он.

— погоди, брат, будут тебе и синички.

И вдруг где-то рядом запела вода. Сладко-сладко, как птичка. Мы с Гошкой пошли на звук, раздвинули куст бузины: у самых корней увидели тонкую струйку. Она выбегала из пустой бузиновой палочки, воткнутой во мшистую кочку. Из кочки бил родничок, и струйка падала в синюю кружку, плескалась через край и синей лентой убегала далеко-далеко, наверное, к синему морю. Гошка притих: все было в точности, как я рассказывал, как в настоящих волшебных странах. Оставалось только нагнуться за кружкой, которую приладил здесь кто-то для таких, как мы с Гошкой, и пить, пить, пить. Я сделал их этой кружки глоток и вспомнил об Анке и пожалел, что, уходя, не вложил в замок ей записки, и она не сможет пойти по нашему следу, не отведаст чудесной лесной воды.

— Видишь? Это птичьи следы, — сказал я как можно спокойнее и показал Гошке на влажную землю. — Здесь пьют синички.

Гошка молчал, а хитрющие глаза выдавали: «А вот и нет. Здесь вовсе бродили слоны. А мы с тобой следопыты. А говорливый ручей — это Волга. А Волга течет в океан. Ты же сам говорил, что здесь все волшебное...»

На опушке мы увидели поле, оно все двигалось, все дышало.

— Здравствуй, поле! — сказал взволнованно Гошка.

И, когда мы пошли по тропинке и Гошка скрылся в хлебах с головой, оказалось, вблизи поле синее, потому что синими были ржаные листья и стебли. И синим было небо над ними, одинокое дерево рядом, к которому привела нас тропинка.

— А что дает людям поле? — спросил Гошка.

— Поле? дает людям хлеб.

Счастливые — мы шли рожью и рожью. А кругом были травы, солнце, жаворонки и ветер. Не сдержался я, взял да и придумал первую строчку, а Гошка — вторую, а третью — вместе придумали. Вот и получилась песенка, которую можно петь, если немного устанешь. А идти надо еще и еще. Вот мы и запели:

— Пахнет медом, пахнет мятой
Поде луговое.
И шагаем мы, ребята,
Стороной родною.

А когда песня кончилась, тут-то мы и ахнули: перед нами синело озеро. И весь берег горел от синих-синих цветов...

Гошка устал, и я посадил его себе на плечо. Он сидел у меня на плече и без конца вертел головой: ну, где же, где эти синички? А синичек все не было.

Он первым заметил маму. Она бежала к нам, вытянув руки, летела в своем васильковом платье, как большая синяя птица.

— Глупые, — сказала она, запыхавшись. — Где же вы пропадали?

— Мы ходили в синие страны, — сказал гордо Гошка. — Это совсем близко, правда, папа? Только страны эти видит не каждый.

*Лето 1967 — лето 1969,
г. Орел.*